

Своими взглядаами на современную русскую литературу поделился с «ЛГ» профессор Российского государственного гуманитарного университета, доктор филологических наук, литературный секретарь премии «Букер—Открытая Россия», первый заместитель главного редактора журнала «Вопросы литературы», критик и литературовед Игорь ШАЙТАНОВ.

– Ситуация в литературе, и не только в русской, кардинально изменилась за последние пятнадцать лет. Не случайно появился «сдвиг», который называют постмодернизмом. Постмодернизм – реакция на то, что слово утратило центральную позицию в культуре в целом. Это связано и с крушением глобальных идеологий, которые существовали на протяжении последних столетий, в частности – утопии гуманизма; и с компьютеризацией (виртуальная реальность если не вытесняет, то, во всяком случае, теснит словесную реальность); и с новым статусом молодёжной культуры, возвращающейся к первоначальному синкретизму. У нас эти изменения особенно заметны, потому что в России литература с XVIII века была «нашим всем», она заменяла и социологию, и философию, и другие сферы общественного сознания. Естественно, многие считают произошедшее в литературной ситуации перемены катастрофичными, но ялагаю, что просто возникли новые условия существования литературы. Потеряна часть читателя, очень напряжённым стало противостояние серьёзной и массовой литературы. Серьёзная литература нуждается в поддержке, и именно эту цель ставит перед собой Букеровская премия. (Под «серьёзной» мы понимаем литературу, которая по-прежнему обращена к проблемам нашего бытия и не перестаёт быть искусством слова.)

– Есть мнение, что литературный процесс в России – сам по себе, а премиальный процесс – тоже сам по себе...

– Я с этим не могу согласиться. Цель премий – сделать серьезную литературу конкурентоспособной на рынке, наводнённом сейчас глянцевыми обложками. Премии – это механизм выживания литературы в условиях несовершенного рынка. Кстати, Букер перестаёт быть только премией. Создан Букеровский фонд, премия больше не принадлежит спонсору, она обрела преемственность, автономность и возможность осуществлять параллельные проекты, такие, как «Букер открывает Россию», – поездка по стране и публичные выступления наших лауреатов. В прошлом 2003 году – Олега Павлова. Помочь людям быть в курсе реальной литературы – задача премий.

– В премиальных списках часто фигурируют одни и те же имена...

– С списки Букера входят те имена, которые выдвигают издатели. Каждый год номинируется 40–50 книг, имена каких-то авторов повторяются. Это естественно. В Англии чемпион по выдвижению на Букеровскую премию – Айрис Мердок, она попадала в список

– Современные филологические журналы. Чем именно «Вопросы литературы» отличаются от «Нового литературного обозрения», например?

– Читайте мою статью в № 5 за 2003 год «Вопросы литературы», и всё об этом узнаете. Если кратко: «Вопросы литературы» и «Новое литературное обозрение» представляют собой два отчёлых полюса в современном филологическом пространстве. В журнале «Новое литературное обозрение» полагают, что главный недостаток русской филологии сегодня состоит в том, что мы не прошли весь путь теоретизации в полном объёме. Я же вместе со многими авторитетными западными учёными полагаю, что век теоретизации кончился. Может быть, и не очень хорошо, что мы многих этапов не прошли, что, например, новый историзм не сиял для нас, как рождественская звезда, а оказался, как пишут теперь в самом «НЛО», «локальной сенсацией». Я со-

– Можно поподробнее о синкретизме современной молодёжной культуры?

– Термином «синкретизм» Веселовский описал первоначальное состояние нарождающейся культуры – нерасчленённость, в котором нельзя сказать: вот словесное искусство, вот музыка, вот танец. Всё это содержится внутри первоначального ритуала, слово существует, только поддержанное ритмом, танцевальным движением, оно ещё импровизационно. Когда я читаю академическую лекцию по исторической поэзии в университете и говорю о синкретизме, довольно часто слышу от студентов: «Разве сейчас не происходит нечто подобное!» Действительно, вернулось желание выйти из рамок жёсткой культурной ситуации с её разделением на роды и виды и вернуть, если хотите, саму культуру в жизнь. Например, музыка не просто должна звучать со сцены, а вовлекать всех зрителей в музыкальное действие. Это ощущение большей интерактивности выражено молодёжной

они – явления, возникшие на волне молодёжной культуры. Оба хотят быть монополистами в культуре. А культура не знает понятия «единственный».

– В Интернете очень много стихов и прозы молодых. Насколько это имеет отношение к культуре?

– Я не очень начитан в интернетовских сайтах... Думаю, там, как и везде, уровень разный. Юрий Тынянов когда-то сказал, что дилетантизм и графомания недооценены в своём эволюционном значении. То, что каждый может себя опубликовать, – замечательно, для того и существует словесное искусство, чтобы общество выговаривалось, но, с другой стороны, это резко снижает планку профессионализма и вообще ставит под вопрос само существование такого понятия, как «профессионализм». Здесь я скажу: да, и графомания имеет право на существование, но именно на своём месте, как графомания. Прошли 90-е годы, годы ощущения полного краха прежнего и начала чего-то нового. За это время раза три-четыре

– Для культуры главная опасность – перестать рефлектировать, перестать понимать, что с ней происходит. Если есть понимание, значит, смертельной опасности нет. Я, конечно, жалуюсь о том, что снижается вес слова. А может быть, это связано лишь с «концом века»?

– Взгляд с Запада на русскую литературу. Такое ощущение, что западным филологам больше всего «запал в душу» наш постмодернизм.

– Про наш постмодернизм Запад не подозревает. Про него знают 500 западных славистов, которым наш постмодернизм пришёлся по сердцу по вполне понятной причине. Когда был снят «железный занавес», западная славистика оказалась в очень трудном положении. На протяжении тридцати лет, начиная с 50-х годов, у неё было огромное поле для исследования, на которое русская филология выйти не могла. А западная славистика открывала Мандельштама, Цветаеву, другие запретные у нас имена, не говоря уж о русском зарубежье. Западной славистике нужно отдать должное: мы получали знания из её рук, когда этими писателями нельзя было заниматься в России. Я занимаюсь английской литературой, хочу сказать своё слово о Шекспире, но я отдаю себе отчёт в том, как мне трудно это сделать на фоне того, что говорится на родине Шекспира. Поэтому я понимаю, насколько сложно конкурировать западным славистам с тем, что делается здесь, в кругу русских культуры и языка.

И они увидели для себя новую нишу – постмодернизм. Если вы возьмёте диссертации западных славистов, то увидите, что значимость многих имён и явлений ими придумана. Западную славистику не нужно считать или «священной коровой», или чем-то обречённым на второстепенность. В ней есть очень разные уровни существования, как везде и во всём. Активнее всего русскую литературу переводят в Германии и Франции. Англоязычный мир, особенно Англия, к сожалению, настолько самодостаточен, что в него трудно пробиться. Надеюсь, лауреатам русского Букера это удастся.

– Что вы думаете о современной критике?

– Она жива. «Самоубийство» или «убийство» этого жанра, по-моему, происходит только в одном: резко скратились тиражи журналов, и, хотя журналы не умерли и важны в русской культуре по-прежнему, их влияние явно уменьшилось. Основной для читателя стала не журнальная, а газетная критика. Различие очевидно. В значительной своей части газетная критика не профессиональна. Она должна быть краткой и злободневной, поэтому сводится к аннотациям, а в большинстве газет – к аннотациям со скандальными жестами. У газетчиков сознание сдвинуто в сторону сенсационности – такова «желтеющая нива» нашей газетной критики. Критика серьёзно не востребована. В этом смысле опасность есть. Думаю, ситуация изменится, когда нива созреет и будет востребован высокий уровень оценки, а не «порезче, побурей, понепристойнее», как сейчас.

– Вы всё-таки не видите опасности для культуры вообще в её уходе от «логоцентризма»?

Беседу вели
Надежда ГОРЛОВА

Не требовать шедевров

ют, до редактуры жюри, чтобы быть полностью в курсе событий.

– И каково ваше впечатление от первоначального списка? Насколько он адекватен литературе?

– Здесь можно было бы начать разговор с того, насколько адекватен современной литературе роман в целом. Чуть ли не сто лет говорят, что роман если не умер, то вот-вот умрёт, а действительность показывает, что читают-то в основном романы. В первоначальном списке всегда есть несколько абсолютных графоманов, которые, скорее всего, издались за свой счёт. Каждый раз жюри начинает спор вокруг поджанров внутри романа: должны ли мы принимать к рассмотрению мелодраматические женские романы, детективы, фэнтези. Шедевры появляются не каждый год. Но роман ищет новые ходы, причём и в отношении к беллетристическим жанрам. Когда-то Достоевский создал новый роман на грани с бульварным, а Лев Толстой – на грани с мемуарами. Сегодня эти грани осваиваются заново. Многое наиболее значительное в современной прозе создаётся вблизи документальных жанров. Возьмите хотя бы нового лауреата премии «Букер – Открытая Россия». Его имя – Рубен Давид Гонсалес Гальего. Внук одного из руководителей испанской компартии, он вырос в России, воспитывался в доме для детей-инвалидов. Описал это в книге «Белое на чёрном». Критики-оппоненты выражают: это не роман, а книга о жизни. Члены жюри, сделавшие свой выбор в пользу Гонсалеса Гальего, отвечают: чтобы рассказать о такой жизни без ужасов и сантиментов, а с ироничным достоинством и с желанием жить, нужно быть писателем.

гласен с классиком американского шекспироведения Кастаном, который назвал свою новую книгу «Шекспир после теории». Что дал для понимания Шекспира теоретический энтузиазм последних двух десятилетий? Практически ничего. Но этот период не был «пустым». Он показал недостаточность, архаизм старого литературоведения, старого представления о культурологии. Сейчас можно и нужно найти какие-то новые пути, что мы и пытаемся сделать в «Вопросах литературы». И ещё один пункт нашего спора с «Новым литературным обозрением». «НЛО» всё время хочет обнаружить «другую» литературу, «другую» культуру, поставив крест на тех, которые были до. Так не бывает.

культурой, которая стала явлением очень заметным и очень опасным.

– Почему опасным?

– У культуры всегда есть оптимальный возраст, он разнится от эпохи к эпохе. Возраст классической культуры – зрелость, недавней «шестидесятической» – молодость: «нам двадцать лет», «буду вечно молодым». Возраст нынешней культуры еще понизился, до планки от 14 до 16 лет. Этот возрастной биоритм пытается диктовать закон всей культуре, что и порождает опасность. Взрослые люди говорят: «Может, мы чего не понимаем, устарели? Мы прислушаемся. А, вот Сорокин такой есть! Сорокина надо прочитать!» Я отнюдь не поклонник, а, скорее, противник Сорокина и Пелевина, но оба

они – явления, возникшие на волне молодёжной культуры. Оба хотят быть монополистами в культуре. А культура не знает понятия «единственный». Термином «синкретизм» Веселовский описал первоначальное состояние нарождающейся культуры – нерасчленённость, в котором нельзя сказать: вот словесное искусство, вот музыка, вот танец. Всё это содержится внутри первоначального ритуала, слово существует, только поддержанное ритмом, танцевальным движением, оно ещё импровизационно. Когда я читаю академическую лекцию по исторической поэзии в университете и говорю о синкретизме, довольно часто слышу от студентов: «Разве сейчас не происходит нечто подобное!» Действительно, вернулось желание выйти из рамок жёсткой культурной ситуации с её разделением на роды и виды и вернуть, если хотите, саму культуру в жизнь. Например, музыка не просто должна звучать со сцены, а вовлекать всех зрителей в музыкальное действие. Это ощущение большей интерактивности выражено молодёжной